

Я играл на улице, донимая лягушек и тритонов в маленьком пруду в конце сада, когда услышал, что бабушка зовет меня. Поскольку это обычно означало, что у меня неприятности или она хочет, чтобы я что-то сделал, я зарылся еще глубже в длинную траву; лягушки и тритоны более интересны восьмилетним мальчикам, чем работа по дому или отчитывание; кроме того, я почти поймал красавицу лягушку, чтобы похвастаться ею в школе на следующий день.

"Гарри! Хааарррииии! крикнула она с порога, - Я вижу тебя, иди сюда, сейчас же, твои отцы разговаривают по телефону! Поторопись!"

Папа. Это было совсем другое дело - звонок из Гонконга! Я вскочил, подбежал к ней, выхватил у нее трубку и прокричал: "Папа! Ты скоро вернешься домой?!". Его голос был четким, но далеким, не таким громким, как я надеялся, но я все равно мог его отчетливо слышать.

"Гарри-бой, я вернусь домой через несколько месяцев, в конце лета, как только состоится передача дел; а пока я должен убедиться, что мой сменщик введен в курс дела, и что мы убрали все правительственные бумаги. Так что, увидимся в июле, сынок!".

Я был на седьмом небе от счастья, папа возвращался домой! Честно говоря, я почти не знал его, но его нечастые визиты в Англию всегда означали для меня прекрасное времяпрепровождение; мы ездили куда угодно, куда я хотел, он часами рассматривал мои наборы самолетов Airfix, помогал мне клеить, красить и нанизывать их, пытался играть против меня в Super Mario на моей старой Nintendo. Я жил с бабушкой и дедушкой в глубоком Стаффордшире; папа жил и работал в Гонконге. Моя мама умерла, когда я родилась, поэтому бабушка была моей мамой, насколько я понимала.

Я отдал телефон бабушке, безумно улыбаясь, и побежал сказать дедушке, что папа возвращается домой!

Следующие несколько недель я был в напряжении, отсчитывая дни до его приезда. Дедушка сказал мне, что папа уедет через несколько дней после церемонии передачи, что бы это ни было, и поэтому мы наблюдали за церемонией 1 июля 1997 года, пытаясь заметить папу среди всех официальных лиц. Когда все закончилось, дедушка вздохнул, заставив меня недоуменно посмотреть на него.

"Вот и все, Гарри, теперь все кончено, больше нет Гонконга таким, каким я его помню...", - вздохнул он.

Я спросил его, что он имеет в виду, и он рассказал мне несколько своих военных историй, о битве за Гонконг, о чем-то под названием "Черное Рождество", о своей жизни в плену, в лагере в Бирме; старые новости.

Дедушка беспокоился о том, как отец здесь приживется; он родился и вырос в Гонконге, учился в Англии, но всю жизнь проработал в полиции Гонконга. Он свободно говорил на кантонском, мандаринском и хоккиенском языках и чувствовал себя как дома в компании

своих китайских и гуркхских полицейских; даже больше, чем когда он был в Англии.

Две недели спустя мы ждали в Хитроу прибытия отца. В тот самый момент, когда я думал, что он никогда не прилетит, он был там, улыбаясь от уха до уха, пожимая руку бабушке, обнимая бабушку и поднимая меня, чтобы обнять и взъерошить мои волосы.

На обратном пути папа рассказал нам о церемонии передачи власти, о встрече с принцем Чарльзом, о том, как ему было плохо смотреть, как "Британия" отплывает от Виктории с приспущенными флагами, увозя последнего губернатора, Криса Паттена, своего начальника, и как ему было грустно, что его дом навсегда покинут, по крайней мере, в том виде, в котором он его знал. Теперь какой-то политический ставленник китайского правительства получил его работу, его китайские офицеры, все друзья, перебрались на нары в Сингапур или на Тайвань, уходя из-под власти КНР, пока не стало слишком поздно, все его полицейские гуркхи уехали в Сингапур, Оман или Бруней, и все было кончено. Он говорил грустно, и я вспомнил, что дедушка говорил о нем.

Жизнь дома вскоре наладилась. Папа получил работу в Министерстве обороны в Личфилде, и мы все вместе жили в большом доме в Билбруке, недалеко от Вулверхэмптона.

Однако со временем папа стал более тихим и сдержанным, его желание играть со мной или сидеть со мной уменьшалось, и, по мере того как я становился старше, я отдалялся от него, так как мы постепенно обнаружили, что у нас нет ничего общего, не о чем говорить, и нам больше неинтересно разговаривать друг с другом. Бабушка видела это, но ничего не могла поделать; было очевидно, в чем дело, но не было способа это исправить.

К тому времени, когда мне было двенадцать лет, мы с папой фактически перестали общаться. Мы не враждовали, просто скудный запас общих тем был исчерпан, поэтому мы просто кивали друг другу мимоходом, были вежливы и учтивы во время еды и так далее, но на самом деле мы перестали общаться друг с другом, теперь это были просто два незнакомца с одним именем.

Меня отправили в школу-интернат для мальчиков, и, поскольку она находилась в Шропшире, всего в 30 милях, я приезжал домой на выходные, чтобы провести время с бабушкой и дедушкой и пообщаться с некоторыми из моих старых друзей. В один из таких выходных, известных как "выходные тренера", я почувствовал атмосферу, как только вошел в дом. Определенно что-то случилось: бабушка была напряжена и сердита, дедушка выглядел растерянным и расстроенным, а папа был еще более необщительным, чем обычно, его лицо было отрешенным и рассеянным. После дня и ночи, проведенных в таком состоянии, с меня было достаточно, поэтому я набросилась на папу с расспросами, почему все ходят злые, а в доме практически нет тишины.

"Скажи ему!" - огрызнулась бабушка, - "Ты без проблем сказал нам! В чем дело, боишься, что подумает двенадцатилетний ребенок?".

Ладно, это звучало не очень хорошо, и это не было похоже на бабушку - она действительно была в бешенстве.

"Гарри, - начал отец, - ты не помнишь свою мать, но я помню, и я очень ее любил. Когда она умерла, я был опустошен, я так сильно ее любил. Когда я вернулся в Гонконг, я встретил одного человека, который мне очень понравился, который помог мне, когда мне было нужно, чтобы у меня кто-то был. Вы понимаете?"

Я думала, что понимаю; у него была девушка в Гонконге, ну и что, большое дело, и так далее. Бабушка все еще выглядела рассерженной, и она многозначительно прочистила горло, когда папа выглядел так, будто он высох.

"Есть еще кое-что, Гарри", - продолжил он. "Тот ... человек, леди, которую я встретил, мы вроде как ... влюбились, и мы жили вместе. Семь лет".

Семь лет? Почему он ничего не сказал раньше? Не то чтобы меня это действительно волновало; отец теперь был так далек от меня, что это начинало казаться не моим делом. Он посмотрел мне прямо в лицо.

"Гарри, у нас с этой леди был ребенок, дочь, твоя сводная сестра".

Я был ошеломлен; я не ожидал такого ответа, и мое изумление, должно быть, было заметно, потому что отец поспешил продолжить.

"Ее зовут Сай Фонг, ей десять лет, и они с матерью живут в Гуанчжоу. Я говорю тебе об этом, потому что ее мать очень больна, она умирает, и я хочу, чтобы Сай Фонг приехала и жила со мной, с нами. Ее мать из провинции, поэтому у нее нет родственников в Гонконге, и она будет одна, я не могу этого допустить, она моя дочь, я не могу ее так бросить".

Бабушка фыркнула и вышла из комнаты, дедушка последовал за ней, бросая извиняющиеся взгляды на папу и меня.

У меня голова шла кругом: у меня была сестра? Полукуитайская сестра? Может быть, поэтому бабушка высекала искры? Папа внимательно смотрел на меня, ожидая, что я скажу, но я все еще пытался переварить все это.

В конце концов я спросил его: "Она хочет переехать жить к тебе? Ты не видел ее четыре года; помнит ли она тебя вообще? Знает ли она обо мне, о нас, обо всем?"

"Да, Гарри, - сказал папа, - я звоню ей каждый вечер, чтобы пожелать хорошего дня в школе и сказать, что я люблю ее, потому что я люблю ее, как и тебя; вы оба мои дети, и я хочу, чтобы вы оба были рядом со мной. И она хочет познакомиться со своим старшим братом. Ей нужны мы, ее семья, ты и я".

Сестра! Меня не беспокоил тот факт, что она была смешанной расы, половина мальчиков в моей школе были китайцами, корейцами или японцами, их отцы управляли огромными

заводами электроники в Телфорде и его окрестностях, поэтому меня не беспокоила расовая принадлежность; меня беспокоило то, что это была сестра. Сестра, младшая сестра!

"Пап, - сказал я, - сколько лет ее матери..." Я запнулся, не зная, как закончить предложение.

"Несколько недель, может быть, пару месяцев", - грустно ответил он.

"Сай Фонг будет нуждаться во мне, и мне нужно, чтобы ты нормально к этому отнеслась, я пытался найти способ донести это до тебя, но ты прекрасно справилась сама!"

Он улыбнулся, тонко, но это была улыбка, первая искренняя улыбка, которую я видела от него за долгое, долгое время.

"Я был более чем немного шокирован, когда ты мне сказала, но, думаю, я смирился с этим; это даже может быть забавно иметь младшую сестру, чтобы командовать ею!" Я усмехнулся, преодолевая удивление, и мне стало более чем любопытно, почему бабушка так разозлилась.

Я спросила его, и его выражение лица снова стало спокойным.

"Твоя бабушка считает, что я опозорил семью, родив ребенка смешанной расы, да еще и вне брака..."

Это не имело для меня никакого смысла; многие люди, которых я знал в Вулверхэмптоне и Телфорде, были смешанного происхождения, и отношение моей бабушки было... просто странным и немного пугающим в своей интенсивности. За все трюки, которые я проделывал, будучи маленьким мальчиком, за все вещи, которые я ломал, или терял, или повреждал, я никогда не видел, чтобы она так выходила из себя, так враждебно и непрощающе.

<http://erolate.com/book/1053/26182>